

УДК 327

Голобоков А.С.

## Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая

Chinese's foreign-policy doctrine foundation and development

---

Внешняя политика Китая является важным объектом исследований для широкого круга ученых и аналитиков. Ее современные направления напрямую связаны с развитием внешнеполитических концепций КНР в 1960-1990-х гг. Освещение этих аспектов очень важно для прогнозирования будущей внешней политики КНР. Статья основывается на российских и китайских источниках

**Ключевые слова:** *Китай, внешняя политика, мировой порядок, Дэн Сяопин, гегемонизм, безопасность, многополюсность, региональная стабильность*



Chinese's foreign policy became a serious object to research for the broad circle of scientists and analysts. Its today trends are directly tied to PRC's foreign-policy concepts in the period of 1960-1990's. Coverage of these aspects seems quite important for the prediction of Chinese future policy. The article is based on both Russian and Chinese materials.

**Key words:** *China, foreign policy, world order, Deng Xiaoping, hegemonism, security, multipolarity, regional stability*

---

Еще до окончания "холодной войны", распада СССР и крушения двухполюсного мира китайское руководство выработало достаточно специфичную, но продуктивную линию взаимоотношений со странами внешнего мира. Процесс ее создания был постепенным и неторопливым, что было характерно для китайских реформ в целом, и впоследствии предопределило такой же прагматичный и расчетливый подход КНР к соглашениям и договоренностям с соседними государствами в условиях постоянно меняющегося мира.

В ранних внешнеполитических концепциях КНР отчетливо проя-

вились влияние политического экстремизма и теоретической неопытности китайских руководителей, а также стереотипность понимания методов ведения политической борьбы, которая сформировалась у них еще в годы Гражданской войны. Большую роль в формировании международных концепций КНР на этом этапе сыграл геополитический фактор, проявивший себя на фоне азиатских региональных конфликтов второй половины XX в. [6, с. 45].

Переломным периодом в процессе формирования современных китайских внешнеполитических концепций стал отрезок 1980-х – начала 1990-х годов. На этом этапе можно наблюдать завершение процесса эволюции наиболее общих представлений руководства КНР – от концепции "войн и потрясений" к диаметрально противоположной концепции "мира и развития". В Китае был взят курс на "мирное возвышение" на основе совместного развития с другими государствами. Для китайских руководителей стало очевидным, что страна нуждается во времени, в финансовых и научно-технических, технологических заимствованиях из-за рубежа для того, чтобы добиться целей развития. Появился интерес в том, чтобы обеспечить несколько десятилетий работы в мирной обстановке, а также гарантировать "невовлеченность" Китая в международные конфликты.

Основным наполнением теории внешней политики КНР, таким образом, стал отказ китайских руководителей от постоянных противников, отношения с которыми возможно основывать лишь на непримиримой борьбе, действуя "острием против острия", подчиняя все формы взаимных связей конечной задаче взаимного противоборства. На передний план вышли, прежде всего, проблемы, связанные с обеспечением мирного стабильного окружения, и вопросы развития, прямо зависящие от перспектив оптимизации положения Китая в структуре мировых экономических и научно-технических контактов. Как отмечают китайские эксперты, с исчезновением глобальной угрозы вторжения и создания опасности динамично развивающимся регионам восточного Китая, политика безопасности КНР переключилась с "простого выживания во враждебном мире на предотвращение международной нестабильности и продолжительное сотрудничество" [22, с. 2-9].

Основной концепцией, дошедшей еще с середины XX века до наших дней, и органично введенной в современную внешнеполитическую доктрину Китая следует считать "*пять принципов мирного существования*" (1. Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета. 2. Ненападение. 3. Невмешательство во внутренние дела. 4. Равенство и взаимная выгода. 5. Мирное сосуществование) [9, с. 155]. Китайское руководство постоянно подчеркивает их важность, демонстрирует универсальный характер принципов и ставит их в основу всего международного порядка. Как подчеркивают китайские политологи, к середине 1990-х гг. более 150 стран, включая ведущие державы – Россию, США, Японию и другие, признали главной нормативной основой своих отношений с КНР "пять принципов" [19, с. 35].

В еще одной важной концепции – *теории "мира и развития"*, впервые обнародованной Дэн Сяопином в октябре 1984 г., было заявлено, что двумя "наиболее крупными стратегическими проблемами в современном мире, носящими глобальный характер, являются проблема мира и экономическая проблема" [2, с. 12]. Главное внимание было уделено не военно-политическим, а политико-экономическим аспектам развития международных отношений, что, как представляется, лишнее подтвердило тенденцию повышения удельного значения невоенных аспектов анализа международной ситуации во внешнеполитических концепциях КНР.

Последовавшая за экономическими преобразованиями Дэн Сяопина концепция "комплексной государственной мощи" также привела руководство КНР к заключению о снижении роли военного фактора в современных условиях для обеспечения национальной безопасности. Ее суть в том, что в современных условиях сила государства и его влияние на международной арене определяется не только величиной военного потенциала, но и уровнем экономического и научно-технического развития, а также взвешенным внешнеполитическим курсом, при этом доминирующим фактором является экономический потенциал страны [5, с. 11]. Следствием указанной теории можно считать стремление китайского руководства к всестороннему наращиванию потенциала в целях обеспечения намеченных целей по превращению КНР в одного из наиболее влиятельных членов мирового сообщества.

В конце 1980-х гг. в анализе международной ситуации китайским руководством стало преобладать видение мира с позиции многополюсности [20, с. 12-17]. Оно отражало стремление различных государств мира к проведению независимого политического курса на мировой арене, и означало конец безраздельного доминирования "одной-двух сверхдержав" и демократизацию международных отношений. Эта концепция и получила широкое распространение среди китайских политологов и в качестве официальной точки зрения Пекина на ситуацию в мире была впервые представлена в мае 1988 г. в речи министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня [10, с. 14].

В воплощении принципа многополюсности КНР видела путь к такому мироустройству, в котором Пекин мог бы играть более активную роль. По мнению китайского специалиста в области китайской внешней политики Дин Шичуаня, в условиях многополюсности Китай обрел больше возможностей для игры на противоречиях между другими странами, одновременно стараясь всеми силами избегать ограничений, налагаемых ею [12, с. 16]. Специфика китайского подхода к многополюсности заключалась в выстраивании китайским руководством особого баланса двусторонних отношений по принципу: "мировой порядок гармоничен и безопасен, поскольку в нем выигрывает тот, кто не воюет" [8].

Важное значение в этой связи имеет и теория антигегемонизма – концепция, одновременно выступающая важной составляющей китайской политики игры на противоречиях между соперниками. Эта концепция берет начало еще от политики КНР 1960-х годов, однако в настоящее время ее значение коренным образом изменилось.

С исчезновением непосредственных угроз безопасности КНР после окончания "холодной войны", основную угрозу поступательному развитию внешней политики Китая эксперты видели в субъективных факторах, продиктованных нежеланием определенных сил допустить "мирное возвышение" китайского государства в регионе. В качестве одного из примеров можно привести заявление на официальном уровне председателя ВСНП Цяо Ши: "Гегемонизм и силовая политика все еще сохраняются в нынешнем мире. Народы Китая, Южной Кореи и других азиатских стран, тесно объединенные между собой и прогрессирующие в своем развитии, могут сами защитить себя против гегемонизма и силовой политики" [2].

Многие китайские эксперты подчеркивают, что страны Восточной Азии "не желают увязывать свою безопасность и судьбу со страной, которая привержена гегемонистской силовой политике и утверждает себя в качестве мирового жандарма" [1, с. 68]. В Китае считают, что такая "несправедливая" политика не стала основой мирного регионального развития, одновременно повысив значение для международного сообще-

ства элементов такого развития [14, с. 32]. В данном случае в виду имеются США, которые в китайской интерпретации являются страной, воздействующей на все аспекты национальных интересов КНР: политику, экономику, безопасность [14, с. 2].

Таким образом, Пекин выступает не просто против "превосходства", а в принципе против регионального присутствия США, обозначив тем самым один из основных аспектов, направляющих региональные векторы своей внешней политики [22, с. 58].

Стремление исключить негативное влияние со стороны США и других иностранных держав по мере роста национальной мощи страны подтолкнуло китайское руководство к расширению своего участия в поддержании существующего международного порядка. В первой половине 1990-х гг. руководством КНР были закреплены важные концептуальные положения о необходимости установления мирного, стабильного, справедливого и разумного нового международного порядка. В 1997 г. на XV съезде ЦК КПК Цзян Цзэминь обозначил основные постулаты современной внешней политики КНР, отметив в числе угроз несправедливый и нерациональный международный экономический порядок, а также локальные конфликты, вспыхивающие в регионе из-за этнических, религиозных и территориальных факторов [18, с. 50].

*Концепция нового международного порядка* может рассматриваться как важнейшая теоретическая основа внешней политики КНР на современном этапе, не только несущая идеологическую нагрузку, но и отражающая основные методы региональной политики Пекина. Она основана на представлении китайского руководства о том, что порядок международного общества зависит от "стандартизации" национальных интересов, а стабильность международного порядка – от "общепринятых стандартов". При этом подчеркивается, что современный мир нуждается в двух основных преобразованиях:

1. Утверждение "нового мирового политического порядка":
2. Утверждение "нового мирового экономического порядка" [19, с. 39].

По мнению российского китаеоведа А. Свешникова, китайский новый мировой порядок также предполагает "завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе" [7, с. 129]. Подобный подход хорошо укладывается и в традиционные схемы китайской внешней политики, соответствует потребности противостоять попыткам США сдерживать Китай с помощью стран региона, а в перспективе позволяет решить и другие проблемы, поскольку лидерство в динамично растущей Восточной Азии и АТР, по меньшей мере, гарантировали бы Китаю право решающего голоса в мировых процессах [3, с. 55]. Таким образом, в данной концепции можно проследить стремление Китая к региональному лидерству, которое выступает как условие обеспечения безопасности его внутреннего развития.

Еще одна теория внешней политики КНР на данном этапе – *"концепция новой безопасности"*. Как подчеркивают китайские исследователи, после окончания "холодной войны" появилось понимание, что ни военные альянсы, ни одинаковая политическая система больше не являются залогом мира и безопасности [23, с. 32]. С потерей значения традиционных форм оборонительной дипломатии, существовавших в форме военных союзов, в новых условиях международной обстановки был предложен оригинальный подход к разоружению и сотрудничеству по безопасности [13, с. 45].

Центральная идея модели заключается в том, что гарантированный мир и поступательное сотрудничество являются благом для народов большинства стран, их общим желанием и неопровержимой историче-

ской традицией, а развитие стран и народов в мирной международной обстановке – достижимой задачей. Взаимное доверие является предпосылкой успешного сотрудничества и укрепляется по мере развития сотрудничества между странами. Принцип взаимной выгоды подчеркивает важность учета интересов каждого из государств.

В этой концепции китайское руководство также закрепило понимание того, что народы соседних стран могут жить в мире и гармонии, настолько долго, насколько будут находиться эффективные и разумные пути решения возникающих между ними разногласий [14, с. 40]. Как заявил Цзян Цзэминь в выступлении на XVI съезде Компартии Китая в ноябре 2002 г., концепция новой безопасности КНР строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами [16]. Другой китайский руководитель, Ху Цзиньтао, в одном из своих выступлений отмечал: "Поддержание важной стратегической возможности, стремление к миру и стабильности международной среды, факторы добрососедства и взаимной выгоды – все это способствует консолидации цивилизованного общества, повышению его благосостояния и является важной задачей и первостепенной целью нашей страны" [15].

Таким образом, концепцию "новой безопасности" можно назвать руководящим принципом национальной стратегии и важнейшим компонентом внешней политики Китая.

Следствием развития концепций "нового международного порядка" и "новой безопасности" можно считать идею *"стратегического партнерства"* с соседними регионами, приобретающую с начала 2000-х гг. в официальных китайских заявлениях все большее хождение. В понимании Пекина эта идея означает, прежде всего, придание двусторонним отношениям с ключевыми субъектами международных отношений устойчивого, относительно долговременного, характера; упор на предпочтительности долгосрочных национальных интересов перед краткосрочными или менее долгосрочными интересами. При этом речь идет не только о "встраивании" Пекина к существующей системе межгосударственных отношений или о встраивании КНР в эту систему, но и о вполне определенной перестройке всей этой структуры и реконструкции в перспективе ныне существующего порядка [21, с. 17].

Стоит отметить, что применительно к международной и региональной безопасности, Китай выделил несколько блоков противоречий, которые в случае их обострения могли расширить количество "конфликтных зон". Среди них в Китае обратили особое внимание на важный блок экономических противоречий. После того, как идеология в Китае была отодвинута на задний план, на первое место выдвинулись проблемы экономической безопасности, которые самым серьезным образом стали определять общий контекст глобальной и региональной безопасности.

По мнению китайских экспертов, развитие экономического сотрудничества с соседними странами должно привести к формированию устойчивых общих интересов стран региона и, соответственно, к созданию надежных механизмов региональной безопасности [21, с. 9]. Содействие повышению устойчивости и конкурентоспособности китайской экономики в условиях открытости мировому рынку, таким образом, также выступает важным компонентом внешней политики Пекина. Основными методами этой составляющей выступают провозглашаемые КНР принципы невмешательства во внутренние дела соседних стран и активное вовлечение этих стран в экономический обмен.

Важность этих методов была отражена в концепции *"идти вовне"*, разработанной Цзян Цзэминем и провозглашенной им в марте 2000 года на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей девято-

го созыва [4, с. 2-12]. Концепция предусматривает многократный рост экспорта и объема ВВП, а также завоевание международных рынков, с целью обеспечения беспрепятственного развития КНР. В более широком смысле концепция "идти вонне" предполагает поощрение миграции и всемерное усиление зарубежной китайской диаспоры – так называемого "Большого Китая".

Освещая тему развития внешнеполитических концепций Китая, нельзя не упомянуть о том, что достаточно серьезное значение при их реализации имеет национальный интерес. В частности, в документах XV съезда КПК, подчеркивается мысль о приоритете понятия нации, китайской нации, и ее интересов, на протяжении всего последнего столетия, имеющих ключевое значение для лидеров всех политических сил страны, особенно в их внешней политике, причем вне зависимости от идеологии китайских политических партий и их вождей [11]. В марте 2008 года министр иностранных дел Китая Ян Цзечи в постановлении ВСНП КНР объявил об "увеличении ответственности Китая за международные процессы", с оговоркой, что это должны быть такие процессы, которые отвечают национальным интересам страны [23, Р. 14-15].

Подводя итог исследованию внешнеполитических концепций современного Китая, можно выделить, по меньшей мере, два момента, которых неизменно придерживается китайское руководство. Во-первых – это привлечение всего полезного извне для решения внутренних проблем Китая и для наращивания совокупного государственного потенциала. Во-вторых, – сохранение нейтральной позиции в международных конфликтах и спорах и отказ от участия в войнах, столкновениях и т.п. за пределами страны, что позволяет Пекину сосредоточиться на решении своих задач.

Основным мотивом внешнеполитических задач Пекина на современном этапе можно считать стремление содействовать появлению новой системы международных связей, в которой Китай, вне зависимости от желаний и предпочтений других стран, занимал бы одну из ключевых позиций, не мог быть изолирован, не являлся бы объектом давления и манипуляций и с полным правом мог рассчитывать на учет своих интересов другими ключевыми игроками. Общим местом последних внешнеполитических концепций Китая является налаживание и поддержание нормальных контактов со всеми членами мирового сообщества.

Совокупность этих факторов и принципов позволяет КНР выступать против гегемонизма и силовой политики, одновременно выстраивая независимую линию в отношениях с другими государствами. Представляется, что эти составляющие более всего способствовали вовлечению КНР в бурно протекающие международные процессы.



---

## Литература

1. Алиев А. Безопасность в Восточной Азии: подходы США, КНР и России // Проблемы безопасности в Азии. М.: Европеум-Пресс, 2001. URL: <http://www.vostokoved.ru/books/3-book3/52-2009-11-01-22-05-47.html> [Дата обращения: 11.03.2010].
2. Арин О. О внешнеполитической стратегии КНР. // НГ– сценарии. 1999. № 5. URL: [http://www.asia-times.ru/countries/china/o\\_vneshnepolit\\_strategii\\_knr.htm](http://www.asia-times.ru/countries/china/o_vneshnepolit_strategii_knr.htm). [Дата обращения: 4.01.2010].

3. Боровой В.Р. Региональная политика во внешнеполитической стратегии КНР после окончания "холодной войны". // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 1. С. 51- 60.
4. Гельбрас В.Г. Российско-китайские отношения и проблемы глобализации. // Восток. Афро-азиатские общества. 2007. № 1 (42). С. 2-12.
5. Остроухов О. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы ее развития // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. С. 5-15.
6. Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма: (Взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии, 1949-1991 гг.) / Российский научный фонд. Московское отделение. М., 1994. 107 с.
7. Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности. // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
8. Собянин А., Шибутов М.. Будет ли война в Азии? // Интернет-газета "ZonaKZ", 2008. URL: <http://www.zonakz.net/articles/?artid=20868>. [Дата обращения: 12.06.2009].
9. Энциклопедия нового Китая. М.: Прогресс, 1989. 509 с.
10. Ян Чэнсюй. Китайская дипломатия в условиях изменчивой и нестабильной международной обстановки. // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
11. XV Всекитайский съезд КПК. Китайский информационный Интернет-центр. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/index.html> [Дата обращения: 17.04.2010]
12. Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин "шицзе гэцзюй гуань" дэ цзичэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэминя на вопрос развития и интеграции мировой архитектоники – высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. С. 4-12.
13. Ли Сяоминь. Чжунгодэ синь анцюань гуань (О китайской "новой безопасности") // Пекин: Хэпин юй фачжань. 2002. № 2. 140 с.
14. Лю Цзянфей. Лэнчжань хоу мэйгодэ бацюань чжанлюе цзици чжиюэ инсу (Стратегия гегемонии и фактор расширения мощи США в период после "холодной войны"). Пекин: Чжунгун чжунян дансяо хуэбао. 1998. 98 с.
15. Ху Цзиньтао цзай диши цы чжувай шицзэ хуй и шандэ чжуняо цзянхуа (Выступление Ху Цзиньтао на совещании глав дипломатических миссий Китая, аккредитованных за рубежом). // Жэньминь жибао. 2004. 29 августа. URL: <http://people.com.cn/31521/2748993.html>. [Дата обращения: 22.08.2009].
16. Цзян Цзэминь. Цюаньмян цзяншэ сяокан шэхуй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуйчжуи шиэ син цзюймянь. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шиллю цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао. 2002 нянь 11 юэ 8 жи. ("Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой". Доклад на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2002 года). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. 56 с.
17. Цун Пэн. Вэйда минцзу аньцюань гайнянь бицзо (Сравнение концепций безопасности великих держав). Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2004. 90 с.
18. Чжан Вэньвэй. Чжун э ляngo цзай шанхай хэцзо цзуджи чжун чжаньлюэ лион фэньси (Китай и Россия в ШОС: анализ стратегических преимуществ). Чжунго вайцзяо сюэюань. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2002. 210 с.
19. Чжан Вэньвэй. Шанхай хэцзо цзуджи чэнцзо цзихуй юй тяочжань. (Шанхайская организация сотрудничества: достижения, возможности, вызовы) // Чжунго вайцзяо сюэюань. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2004. 78 с.
20. Чжуан Ливэй. Чжунго гоцзи чжаньлюедэ дунмэн кэти (Международная стратегия Китая в обсуждениях АСЕАН) // Дандай ятай (Современный АТР). 2003. № 6. С 4-11.
21. Янь Сюэту. Дуй Чжунго аньцюань хуаньцзин дэ фэньси юй сыкао

(Анализ и суждение безопасности Китая) // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. 2000. № 2. С. 12-17.

22. Янь Сюэту. Чжунгодэ синь аньцюань гуань юй анцюань хэцзо гоусян (Новая концепция безопасности Китая и направление сотрудничества в области безопасности) // Сяньдай гоцзи гуаньси. 1997. № 11. С. 2-9.

23. Richard N. Haass. Bringing China into the fold. // Newsweek. Dec. 2008 – Jan. 2009. P. 14-15.